

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 663-673
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.663

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Russian Intelligentsia's Perception of the Romanov Dynasty in the 19th – early 20th centuries

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Semen V. Kozhevnikov ^a,
 Tatyana V. Schastlivaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the evolution of the Russian intelligentsia's attitude toward the authority of the Romanov dynasty during the 19th and early 20th centuries. The article identifies a correlation between the transformation of that attitude, which ranged from consensus and hopes for reform to pronounced antagonism and open confrontation, and changes in the socio-political climate. It notes that the growing self-awareness of the intelligentsia and its aspiration to participate in state affairs encountered the institutional constraints of absolute monarchy. This discrepancy gave rise to persistent oppositional tendencies, further reinforced by the ruling monarchs' departure from expected liberal reforms and the mismatch between the idealized image and the real character of a ruler. The internal disunity among the intelligentsia, manifested in the antagonism between radical and liberal factions, weakened its consolidating power. Special attention is paid to how the personal qualities of the monarchs, namely their ability or inability to engage in dialogue and implement reforms, affected the intelligentsia's perception of their authority. The research is based on a comparative analysis of historical sources, including memoirs, diaries, and notes of contemporaries, providing a reliable basis for understanding the examined aspects of Russia's socio-political life during this period.

Keywords: Russia, the Romanov dynasty, intelligentsia, autocracy, liberalism, conservatism.

1. Введение

На протяжении трехсотлетнего периода ход развития российской истории определяла династия Романовых, характер власти которой обуславливал меру возлагаемой на нее ответственности за судьбы страны. Абсолютизм как концентрированная форма власти повышал роль династии в формировании и развитии государства до невероятной больших размеров, накладывая на ее носителя огромную ответственность за все, что происходило в стране. Политическим оправданием самодержавной власти могло служить лишь успешное правление, результатом которого являлось бы общее благополучие и процветание страны. В силу сложившихся традиций абсолютизма, результат этот во многом определялся личностными качествами государей, занимавшими престол в тот или иной период.

Отношения верховной власти с передовой общественностью, представленной прежде всего интеллигенцией, складывались в различные исторические периоды крайне неоднозначно и динамично. С развитием самосознания интеллигенции, изменением и усложнением ее социального состава, эти отношения претерпевали существенные трансформации. Восприятие интеллигенцией личности императора, как символа и носителя верховной власти, оказывало прямое влияние на ее отношение к самой системе самодержавия.

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), semenk2011@yandex.ru (S.V. Kozhevnikov), repetitor1972@gmail.com (T.V. Schastlivaya)

В процессе постепенной десакрализации образа царя со стороны передовой общественности становилась возможной не только критика конкретного императора, но и самодержавия как института власти в целом. Противопоставляя себя власти, интеллигенция объединялась в различные кружки, общества, движения и образовывали ей стойкую оппозицию. Однако, идейная разобщенность интеллигенции, проявлявшаяся практически по всем вопросам, касавшимся жизни страны, предопределила чрезвычайную широту ее мнений и оценок качества власти. Порой даже негативная в целом оценка самодержавия со стороны интеллигенции не исключала признания его определенной необходимости в конкретных исторических условиях. Так, например, оценивал роль самодержавия выдающийся историк В. Ключевский, который считал, что «самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие» (Ключевский, 1993: 27). Это мнение ученого подчеркивает сложность и противоречивость отношения интеллигенции к самодержавию, признававшей его потенциал как инструмент поддержания порядка, несмотря на критику его авторитарных черт.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются воспоминания, мемуары, дневники, письма представителей интеллигенции, которые либо лично знали представителей царской семьи, либо были очевидцами событий, явившихся следствием проводимой ими политики. «Записки» декабриста Н. Басаргина содержат сведения об Александре I и Николае I (Басаргин, 1985). В «Записках» М. Волконской содержатся сведения об отношении С. Волконского к Николаю I (Волконская, 1975). Воспоминания и дневники фрейлины А. Тютчевой дают представление о взглядах дворянской интеллигенции на императорскую семью и её политику (Тютчева, 2000). Воспоминания А. Бенуа, имевшего личные контакты с Александром III, Николаем II и членами императорской семьи, позволяют составить мнение об отношении семьи художника и их окружения к характеру проводимой властью политики, личным качествам членов царской семьи (Бенуа, 1993а, Бенуа, 1993б). Оценка самодержавия разночинной интеллигенцией прослеживается в трудах С. Степняка-Кравчинского (Степняк-Кравчинский, 1987). "Книга воспоминаний" великого князя Александра Михайловича раскрывает личностные качества членов императорской семьи и их влияние на императора (Великий князь, 1991). Дневниковые записи выдающегося русского историка В. Ключевского предлагают научную трактовку описываемых событий (Ключевский, 1993). Воспоминания И. Колюшко демонстрируют публицистический подход к описанию общественной и политической жизни России (Колюшко, 2009). Оценка правления Александра II представлена в воспоминаниях В. Короленко (Короленко, 1985). Письма императрицы Александры Федоровны позволяют понять её отношение к событиям Первой мировой войны (Дивный свет, 2005).

Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем общенаучные и специально-исторические методы анализа. Принцип историзма позволил учесть контекст эпохи при анализе изменения восприятия династии Романовых русской интеллигенцией. Историко-генетический метод позволил сосредоточиться на выявлении факторов, влиявших на формирование представлений о династии. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить взгляды различных групп интеллигенции в определенные исторические периоды. Проблемно-хронологический метод обусловил определение хронологических рамок исследования и выделения этапов в восприятии династии. Компаративный подход позволил выявить изменения в восприятии династии, их причины и последствия, а также факторы, влиявшие на эти трансформации.

3. Обсуждение

Проблема кризиса самодержавного способа правления привлекала внимание исследователей на протяжении многих десятилетий. Исторические материалы, касающиеся правления российских императоров XIX – начала XX вв., подробно изложены в лекциях А. Корнилова, предоставляя богатую фактическую базу для анализа (Корнилов, 2004). С. Пушкарев в своем «Обзоре русской истории» оценивает деятельность монархов в рамках политического и социального развития страны, помещая их правление в широкий исторический контекст (Пушкарев, 1991). Современное научное видение проблемы кризиса российского самодержавия представлено в книге И. Барыкиной (Барыкина, 2017). Особое внимание в современных исследованиях уделяется взаимоотношениям власти и русской интеллигенции, которые рассматриваются как один из ключевых факторов, влиявших на политическую ситуацию. Г. Чагин анализирует отношение русской интеллигенции к личности Николая I, раскрывая специфику восприятия монарха этой социальной группой (Чагин, 1984). Труд С. Высоцкого содержит сведения об отношении интеллигенции к власти в контексте биографии выдающегося юриста и общественного деятеля А. Кони (Высоцкий, 1988). Р. Закиров анализирует общественные настроения и реакцию интеллигенции на правящий режим, используя в качестве показательного события убийство великого князя Сергея Александровича (Закиров, 2013). И. Савицкий рассматривает пути противостояния русской интеллигенции абсолютизму, выявляя формы и методы этой борьбы (Савицкий, 2013). Е. Токарева освещает теоретические аспекты взаимоотношений интеллигенции и власти, обобщая различные подходы к пониманию этой

динамики (Токарева, 2016). Т. Шебзухова указывает на идейный раскол в интеллектуальной элите как на значимый фактор, способствовавший крушению монархической власти (Шебзухова, 2018). П. Карабущенко анализирует позицию С. Витте в отношении правящей элиты и ближнего царского окружения (Карабущенко, 2015). Т. Сабурова рассматривает влияние образа власти на поведение интеллигенции первой половине XIX века (Сабурова, 2005). Ряд работ А. Грязнухина и Т. Грязнухиной посвящены идейным поискам русской интеллигенции путей развития страны (Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021), вопросам ее ментальности в контексте благотворительности (Gryaznukhin et al., 2020), взаимоотношениям российской и сибирской интеллигенции (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017).

4. Результаты

Начало XIX в. в России ознаменовалось сменой непопулярного, кратковременного правления Павла I воцарением Александра I. Общество, восторженно встретившее приход нового императора, ждало от него новых преобразований. Сам молодой монарх также был преисполнен желания улучшить благосостояние народа. А. Пушкин от имени просвещенной общественности приветствовал «дней Александровых прекрасное начало», полагая, что «губительное время» позади (Пушкин, 1950: 120). Либерально настроенная дворянская интеллигенция, желая иметь какие-либо гарантии против произвола самодержавной власти, поддержала Александра I через периодическую печать, как, например, Карамзин в «Вестнике Европы», восхвалявший его начинания (Корнилов, 2004: 133). Однако, после заключения Тильзитского мира, который был воспринят обществом как позор, популярность императора резко упала. Это нашло отражение в творчестве художественной интеллигенции. В театрах шли патриотические пьесы вроде «Дмитрия Донского» В. Озерова, «Князя Пожарского» М. Крюковского, которые публика встречала бурными овациями. В Москве стал выходить патриотический журнал «Русский вестник», направленный против Наполеона. В Петербурге было образовано патриотическое общество «Беседа», собиравшееся у Г. Державина (Корнилов, 2004: 164-165). Все это свидетельствует о том, что русская интеллигенция в начале века имела уже достаточный уровень развития самосознания, чтобы выступить в качестве организованной оппозиции по отношению к правительственной политике. Вернуть расположение общества к императору и ослабить оппозиционные настроения были призваны реформы М. Сперанского. Однако увлечение Александра мистицизмом, отказ от либеральных преобразований, отчасти под влиянием Карамзина, который убеждал в незыблемости самодержавия, не способствовали популярности царя.

Дворянская царя военная интеллигенция, проникнутая во время европейских военных походов освободительными идеями, стала объединяться в тайные общества. Единой программы по политическому переустройству общества у нее не было. И если программа П. Пестеля настаивала на республиканском устройстве, то программа Н. Муравьева допускала монархическую форму правления. Эта разобщенность декабристов во взглядах сказалась и на их отношении к верховной власти после восстания 1825 г. До конца критическое отношение к власти сохранил И. Пущин, из далекой сибирской ссылки пытался подавать свой протестующий голос М. Лунин. С. Волконский же, напротив, не держал зла на императора, признавая его стойкость и считая, что наказание было бы неизбежным в любом другом государстве (Волконская, 1975: 112).

Эпоха Александра I завершилась глубоким разочарованием интеллигенции, чьи ожидания существенных либеральных преобразований оказались тщетными. Это подтолкнуло ее к формированию устойчивой оппозиции к власти. В ответ, по мнению В. Ключевского, правящая династия и придворная элита сплотились, движимые страхом перед свободомыслием и народными массами (Ключевский, 1993: 408). Царствование Николая I, начавшееся после драматических событий 1825 г., не сулило ничего хорошего прогрессивной интеллигенции, чьи ряды были значительно ослаблены ссылками. Декабрист Н. Басаргин, наблюдая за поведением императора во время суда над декабристами и его опасениями перед либеральными идеями, предвидел авторитарный характер будущего правления. Самонадеянность царя проявлялась в том, что он воспринимал только те мнения, которые соответствовали его собственным желаниям, в результате чего сложилась ситуация, когда "уста истины закрылись" (Басаргин, 1985: 81).

Более полное представление о Николае I и жизни двора можно получить из воспоминаний и дневников А. Тютчевой. Будучи фрейлиной цесаревны Марии Александровны, она тринадцать лет служила двум императорам. Хотя Тютчева, как и многие дворяне-интеллигенты, была монархисткой, ее проникательный и критический ум позволял ей объективно оценивать события и людей. Разделяя идеи своего отца, поэта Ф. Тютчева, и его друзей-славянофилов, она стремилась донести их до правящего монарха, пытаясь повлиять на его мировоззрение. В частности, ее отец надеялся, что она убедит цесаревича в необходимости создания русской политической газеты, защищенной от цензуры высоким покровительством, но эта инициатива не была реализована (Тютчева, 2000: 79).

Николай I, по словам Тютчевой, был человеком, фанатично преданным своей власти и абсолютно уверенным в ней. Она описывала его как личность с «рыцарским характером редкого благородства и честности, сердцем горячим и нежным, и умом возвышенным и просвещенным, хотя

и лишенным широты» (Тютчева, 2000: 45). В то же время, она отмечала, что он «мог быть для России в течение своего 30-летнего царствования тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни» (Тютчева, 2000: 45). При этом сам император был убежден, что все его действия направлены на благо родины. Работая по 18 часов в сутки, отказывая себе в отдыхе и развлечениях, он видел свой долг в наведении порядка, что, по сути, означало уничтожение индивидуальной свободы. Новые идеи представлялись ему чудовищной ересью, подлежащей искоренению. Двойственная оценка личности и деятельности Николая I, данная фрейлиной двора, перекликается с мнением декабриста Н. Басаргина. Он писал, что в критические для страны времена царь не мог получить дельного совета, поскольку его окружали лишь раболепие и низкопоклонство (Басаргин, 1985: 81). В результате, императору удалось добиться всеобщего оцепенения в стране.

Историк В. Ключевский в своем дневнике 1868 г., характеризуя общественное положение в России, отмечал, что его поколение выросло под гнетом политического и нравственного унижения (Ключевский, 1993: 323). Само царствование Николая I ученый считал постыдным, которое «благополучно кончилось севастопольским поражением и Парижским миром» (Ключевский, 1993: 386). Поражение в Крымской войне вызвало в обществе взрыв негодования против правительства. До этого вера в военную мощь и авторитет России помогала мириться с удушающей обстановкой в стране. Однако поражение наглядно продемонстрировало интеллигенции несостоятельность системы правления, поколебав престиж самодержавной власти. Личная трагедия Николая заключалась в том, что перед смертью он осознал всю несостоятельность своей политики (Тютчева, 2000: 46).

Отношение интеллигенции к царской власти менялось в зависимости от динамики общественно-политической обстановки. Воцарение Александра II было встречено с надеждой на преобразования. Славянофилы, например, поддерживали самодержавную власть, считая ее, наряду с православием, необходимым условием русской жизни. В записке К. Аксакова, представленной Александру II, указывалось, что власть должна принадлежать царю, но при этом он должен учитывать мнение общества и народа. Радикальным аспектом позиции славянофилов было требование невмешательства государства в частную и общественную жизнь (Корнилов, 2004: 447). При этом поддержка самодержавия не мешала им критически относиться к предыдущему царствованию. И. Аксаков считал Николая I «тупоумнейшим» человеком, причинившим много зла России, а его убеждения – «фельдфебельскими». Эту оценку разделял и Ф. Тютчев, называя императора «злосчастливым», тупым человеком, виновным в поражении в Крымской войне (Чагин, 1984: 123, 132).

Русская интеллигенция делала неоднократные попытки принять хоть какое-либо участие в управлении страной. Но это ее стремление достучаться до власти путем личного обращения к ее представителям, как правило, не приносило результатов. Так письмо А. Герцена Александру II по поводу необходимости реформ, напечатанное в «Полярной звезде» не возымело своего действия. По свидетельству А. Тютчевой, Герцен также написал письмо императрице, опубликованное в «Колоколе». В нём он критиковал систему военной подготовки великих князей, касаясь, в частности, воспитания наследника. Несмотря на негативное отношение к Герцену, Тютчева признавала его правоту в этом вопросе, как и во многих других. Императрица, осознавая все недостатки системы, ответила, что не видит в своем окружении достойных претендентов на роль воспитателей великих князей (Тютчева, 2000: 316). Ум и проницательность Марии Александровны отмечали многие современники. Она замечала злоупотребления вокруг, но делала вид, что это ее совершенно не касается, хотя обвинить в отсутствии патриотических чувств ее было невозможно. Глубоко религиозная Мария Александровна имела большую склонность к созерцательности, нежели к активной деятельности. Она могла бы оказать поддержку Александру в его начинаниях, но не делала этого (Тютчева, 2000: 244). Сравнивая Александра II с его отцом, Николаем I, Тютчева отмечала недостаток у молодого императора твердости и убежденности в законности своей власти. Его ум, по мнению фрейлины, страдал узостью кругозора и недостаточной просвещенностью, что мешало ему осознать важность проводимых реформ (Тютчева, 2000: 30). В итоге, испугавшись собственных преобразований, Александр II начал от них отказываться. Эта оценка перекликается с мнением В. Короленко, который считал, что царь не понял глубинных ожиданий общества, для удовлетворения которых требовался «более крупный ум и характер» (Короленко, 1985: 537). Убийство императора в среде творческой интеллигенции, к которой принадлежал писатель, было воспринято как следствие его поворота к реакции. Историк В. Ключевский характеризовал Александра II как провокатора, который одной рукой дарил реформы, ожидаемые обществом, а другой выдвигал тех, кто их разрушает. Полиция, преследуя недовольных, превратилась при нем в карательный орган (Ключевский, 1993: 386). Непоследовательность императора, отсутствие в нем сильного характера и ума воспринималась обществом как слабость и дискредитировала саму власть. С ростом требований конституции популярность Александра II падала. Это обстоятельство вынуждало его считаться с мнением общества. Так, война с Турцией в 1877 г. была объявлена императором под давлением общественного мнения (Пушкарев, 1991: 324). В ответ на это общество в едином патриотическом порыве объединилось вокруг власти. Спектакли в Большом театре начались с

исполнения национального гимна. Публика заставляла петь гимн «Боже, царя храни» несколько раз (Бенуа, 1993а: 367). Однако уступки, сделанные правительством на Берлинском конгрессе, поколебали его авторитет в глазах общественности.

Интеллигенция, представлявшая собой сознательные общественные силы, иногда имела возможности влиять на власть, но ответственность за происходившее разделять с ней не желала. Радикально настроенная разночинная интеллигенция не хотела идти с самодержавием ни на какие компромиссы. Она была убеждена в том, что самодержавие не имеет права на существование в силу своего тиранического характера. Самодержавие, ведущее беспощадную борьбу с интеллигенцией, и не желающее отдать власть, должно быть, по ее мнению, уничтожено посредством террора (Степняк-Кравчинский, 1987: 66, 67). В целом же общественное мнение было не на стороне террористов. После смерти Александра II, по свидетельству Тютчевой, могила его утопала в цветах, и от тесноты нельзя было сделать движения (Тютчева, 2000: 343). А. Бенуа также вспоминал, что убийство императора повергло общество в состояние ужаса. Осуждение террористов было всеобщим. Все домочадцы и прислуга семьи Бенуа ходили в Зимний дворец проститься с императором, а фотографии с изображением убитого императора годами висели в их доме (Бенуа, 1993а: 383, 384).

Начало царствования Александра III было ознаменовано надеждами на продолжение либеральных преобразований, инициированных его предшественником, Александром II. Эти ожидания разделяла, в частности, военная интеллигенция. Так, в дневниковых записях Тютчевой от 1882 г. зафиксирован разговор с генералом М. Скобелевым, который выражал уверенность в наступлении эры национальной политики, основанной на верности самодержавию (Тютчева, 2000: 348). Однако эти надежды были омрачены влиянием К. Победоносцева, который сумел склонить императора к консервативно-реакционному курсу. Победоносцев убедил Александра III в том, что реакционные взгляды редактора «Московских ведомостей» М. Каткова отражают мнение всего российского общества (Корнилов, 2004: 736).

Молодой монарх не видел в интеллигенции потенциальную опору для своей политики. Скептически относясь к ней и считая её «гнилой», он сразу решил, что она не сможет диктовать ему свои условия. Исключением из этого правила стал И. Аксаков, которого Александр III считал истинным патриотом, в отличие от своего отца, не испытывавшего к Аксакову симпатии (Тютчева, 2000: 344).

По роду своих профессиональных занятий и благодаря своей одаренности как художника, А. Бенуа имел возможность лично общаться с членами царской семьи. Его многочисленная семья и ее окружение к власти относились лояльно, о чем он неоднократно указывал в своих воспоминаниях. О себе Бенуа говорил, что осознает себя как «консерватора с монархическим уклоном». Художник отмечал «ограниченность интеллекта, примитивность, а то и просто грубость суждений» императора Александра III (Бенуа, 1993а: 632). Тем не менее, его кратковременное царствование оценивал как «чрезвычайно значительное и благотворное», подготовившее расцвет русской культуры, который продолжался и все царствование его приемника, несмотря на бездарность власти Николая II (Бенуа, 1993а: 632). Достоинством Александра III, по мнению Бенуа, было то, что «он был крепок, он умел держать и сдерживать, он имел на вещи свое мнение, а его простой здравый смысл выработался на почве глубокой любви к родине» (Бенуа, 1993а: 633). Художник отмечал честность, простоту и бдительность императора. А. Тютчева также в качестве главных качеств молодого императора выделяла честность и прямоту, ясность в словах, твердость и мощь, понимание ответственности за страну (Тютчева, 2000: 345). Журналист Кольшко тоже характеризовал Александра III как человека честного и правдивого, которому чужды интриги (Кольшко, 2009: 29).

В отношении к царской власти и ее ставленников среди интеллигенции единства не было. Однако после смерти Александра III неспособность нового российского императора управлять империей для всей интеллигенции стала очевидной. С первых шагов своего царствования Николай II сумел восстановить общественное мнение против себя. После трагедии на Ходынке сыновья великого князя Михаила Николаевича потребовали отстранения великого князя Сергея Александровича от должности генерал-губернатора Москвы, считая его виновным в происшедшем, и прекращения коронационных торжеств. Но Николай, послушав старших великих князей, не прекратил торжеств. Сергей Александрович торжествовал (Великий князь, 1991: 142). На фоне разыгравшейся трагедии продолжать коронационные торжества было, конечно, неуместно. И хотя молодой император оказал материальную помощь семьям погибших, общее впечатление общества о недостойном поведении царя и безнаказанности его родственника осталось неизменным.

В 1890-е годы в Париже российская интеллигенция образовала «русскую колонию», которую волновали события, происходившие на родине. По свидетельству Бенуа в этой среде «о русском правительстве иначе, как в самом ироническом тоне не принято было говорить, а к личности государя уже установилось отношение, в котором известная жалость сплеталась с абсолютным недоверием в политическом отношении» (Бенуа, 1993б: 119). Он подчеркивал, что даже в их семье, лояльно настроенной к власти, с первых дней царствования зародилось недоверие к личности императора.

Отношение к царю общественности во многом определила неудачно прочитанная им по шпаргалке речь перед представителями земств, в которой он заявил, что твердо намерен охранять

устой самодержавия (Бенуа, 1993b: 119). Либерально настроенная интеллигенция убедилась, что влияние Победоносцева остается в силе и надеяться на участие земств в управлении не приходится (Пушкарев, 1991: 333).

Одним из выразителей взглядов либеральной оппозиции являлся А. Кони, имя которого для интеллигенции было символом противостояния власти. Кони считал, что самодержавие своей бездарной политикой завело страну в тупик и

тащит Россию к революции. Предполагая, что его хотят использовать как известного либерала для прикрытия реакционной политики царизма, он отказался от предложенного ему министерского поста (Высоцкий, 1988: 322, 332). Нерешительность, свойственная характеру императора, его подверженность различным влияниям, его растерянность перед необходимостью принять решение не способствовали популярности царя. Три раза менял он свое решение об отправке Балтийского флота на Дальний Восток. Отправка флота, по мнению великого князя Александра Михайловича, означала бы его верную гибель. И действительно флот был уничтожен в Цусимском проливе. Вина царя в этом поражении была для всех очевидной (Великий князь, 1991: 183). Военные провалы и обострение внутренних проблем российское общество связывало со слабостью самой монархии, что активизировало антиправительственные настроения.

В межличностном общении император Николай II был прост и доступен, отсутствие величия располагало к общению с ним. Обычно он откликался на призывы в оказании помощи. В 1899 г., узнав от В. Серова, который писал его портрет, о бедственном положении журнала «Мир искусства», император пожертвовал десять тысяч рублей из своих личных средств. Его примеру последовали другие меценаты, в результате журнал был спасен (Бенуа, 1993b: 288). Однако эти жесты благотворительности не смогли существенно изменить сложившегося негативного отношения интеллигенции к власти. Русско-японская война стала поворотным моментом, заставив общество переосмыслить состоятельность режима. Интеллигенция единодушно выступала за радикальные перемены, разделяясь во мнениях относительно путей их осуществления: от смены строя до смены монарха с сохранением принципа монархии. «Вопрос об обуздании абсолютизма, о конституции стал злобой дня» (Бенуа 1993a: 408). События 9 января 1905 г. были восприняты интеллигенцией как трагедия и преступление, за которое император нес ответственность. Манифест 17 октября многие представители интеллигенции восприняли как попытку сохранить монархию. Даже те, кто не доверял Николаю II из-за его неспособности эффективно управлять страной, возлагали надежды на то, что монархия будет ограничена, а произвол устранен. Однако были и сторонники исключительно революционного пути. Так, Д. Философов и супруги Мережковские опубликовали памфлет, направленный против царя, но, опасаясь преследований, уехали в Париж (Бенуа, 1993b: 440).

Отсутствие единства во взглядах о пути преобразований не мешало интеллигенции быть единой в критическом отношении к власти и личности императора. В попытках найти решение для стоящих перед страной проблем, либерально и радикально настроенные представители интеллигенции, включая многих профессоров, сформировали партию конституционных демократов, во главе которой стал профессор истории П. Милюков. На январском съезде 1906 г. подавляющее большинство членов партии выступило за парламентскую монархию. Республиканцы оказались в меньшинстве (Пушкарев, 1991: 350). Осознавая кризис в системе самодержавия и не обладая самостоятельной силой, часть интеллигенции продолжала рассчитывать на модернизированную монархию как источник стабильности политической системы.

Личная, общественная и политическая жизнь династии Романовых, в том числе и императора Николая II, нашла отражение в мемуарах великого князя Александра Михайловича, который, будучи близким к императорской семье, обладал критическим взглядом на происходящие события. По свидетельству князя, отношения между членами династии были далеки от дружеских. Напротив, они разделялись на враждующие партии, соперничая за влияние на царя. Эта борьба обострилась особенно после смерти Александра III (Великий князь, 1991: 37). Будучи убежденным монархистом по мировоззрению, князь критиковал интеллигенцию за «игру в либерализм». Он считал, что республиканский строй в России невозможен, так как восемьдесят пять процентов населения неграмотно, а интеллигенция требовала, при этом, всеобщего избирательного права. По его мнению, рост непопулярности царской власти проявлялся в том, что идея цареубийства уже в 1880-е годы «носились в воздухе». Предвестником грядущего большевизма князь видел Ф. Достоевского, который, по словам писателя, говорил издателю А. Суворину, что в предполагаемом продолжении романа Алеша Карамазов уйдет из монастыря, станет анархистом и убьет царя (Великий князь, 1991: 42).

Согласно великокняжескому статусу, члены императорской семьи должны были занимать высокие посты, что не всегда соответствовало их профессиональным навыкам и моральным качествам. Александр Михайлович прямо указывал на это в своих мемуарах. Брат Александра III, великий князь Алексей Александрович, будучи адмиралом Российского Императорского флота, обладал весьма скромными познаниями в морском деле. Его заседания сводились к приглашению членов адмиралтейского совета на обед и пересказу одних и тех же историй из прошлого парусного флота. Другой брат покойного императора, великий князь Сергей Александрович, будучи посредственным офицером, командовал гвардейским Преображенским полком. Невежественный в

вопросах административного управления, он занимал пост московского генерал-губернатора. Александр Михайлович возлагал на него полную ответственность за трагедию на Ходыньском поле (Великий князь, 1991: 116). Упрямый, дерзкий и амбициозный, Сергей Александрович вызывал всеобщее неприятие. Директор департамента полиции А. Лопухин в своем рапорте после убийства князя отмечал ликование среди интеллигенции. Студенты встретили известие об убийстве возгласами: «Долой самодержавие!» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 60. Л. 48об.). Московская пресса с едва скрываемой симпатией писала об убийце князя И. Каляеве, впоследствии к годовщинам покушения выпускались открытки с изображением Каляева (Закиров, 2013: 311). Убийство князя наглядно продемонстрировало истинное отношение интеллигенции и общества к самодержавной власти, олицетворением которой был император.

Профессиональная некомпетентность великих князей, по мнению С. Витте, наносила значительный урон авторитету царской власти (Карабущенко, 2015: 18). А. Бенуа также считал, что расточительность членов императорской фамилии подрывала этот авторитет. Показательным примером стали крупные растраты при строительстве храма на месте убийства Александра II, совершенные доверенным лицом великого князя Владимира. Это вынудило Александра III инициировать судебное расследование (Бенуа, 1993а: 562).

Однако среди династии были и те, кто внес значительный позитивный вклад в развитие русской культуры. Великий князь Константин Константинович, будучи президентом Императорской Академии наук, первым признал гений И. Павлова. Его перевод «Гамлета» считался лучшим из существовавших на тот момент. Князь также сам писал стихи и организовывал в Измайловском полку литературные вечера, лично занимаясь с солдатами. Политика его совершенно не интересовала (Великий князь, 1991: 118-119).

Великий князь Николай Михайлович, несмотря на успешное окончание военного училища, посвятил себя истории. Его монументальный труд об Александре I принес ему почетное членство во Французской Академии, что было большой редкостью для иностранца. Будучи сторонником парламентского строя, в других обстоятельствах он мог бы стать блестящим дипломатом (Великий князь, 1991: 123).

Анализ показывает, насколько разнообразны были представители династии по своим убеждениям и наклонностям. Судьба России могла бы сложиться иначе, если бы на троне оказался другой член династии. Так, великий князь Константин Николаевич, обладавший сильным характером и решимостью отстаивать свои взгляды, активно выступал за продолжение реформ. Если Александр II его поддерживал, то Александр III, напротив, уволил князя со всех постов за радикальные взгляды (Барыкина, 2017: 87). Очевидно, что, оказавшись у власти, Константин Николаевич иначе распорядился бы своими полномочиями.

Поведение членов царской семьи во время Первой мировой войны характеризует их как в личном плане, так и показывает их социальную позицию по отношению к происходившим событиям. Великие княжны Ольга и Татьяна, а также сама императрица Александра Федоровна, пройдя обучение на курсах сестер милосердия, самоотверженно трудились в госпиталях, организованных в царскосельских дворцах. Их работа продолжалась вплоть до ареста в 1917 г.

В сентябре 1914 г. императрица писала Николаю II, что уход за ранеными стал для нее утешением, позволяющим хоть немного облегчить их страдания. Работая по многу часов, несмотря на боль в сердце, она ассистировала при сложнейших операциях, обрабатывала тяжелые раны, извлекала отравленные пули и выносила ампутированные конечности. Россию она считала своей «любимой страной». Отношение к Германии было пронизано глубоким негодованием: «стыд и унижение при мысли о том, что немцы могут себя так вести! Хочется зарыться в землю...» (Дивный свет, 2005: 248-249).

К сожалению для монархии, ни самоотверженный труд в госпиталях, ни активная благотворительная деятельность, ни шефство над туберкулезными больными в Крыму не смогли поколебать негативного отношения интеллигенции к императрице.

В Киеве великая княгиня Ольга Александровна возглавляла госпиталь, работая наравне с простыми сестрами милосердия. Солдаты с трудом верили, что перед ними дочь Александра III. Ксения Александровна заведовала госпиталем в Петербурге. Михаил Александрович храбро сражался в составе кавказской Дикой дивизии (Великий князь, 1991: 215, 216).

О присущем Романовым патриотизме писала в своем дневнике А. Тютчева. В Севастополе в военной кампании 1854 г. участвовали молодые великие князья Николай и Михаил. Во время взрыва снаряда они остались невредимы, в то время как находившиеся рядом с ними три адъютанта были контужены, а генерал Ф. Соймонов убит (Тютчева, 2000: 109).

Великий князь Константин, когда правительство отказалось финансировать постройку канонерок для Балтийского флота из-за отсутствия средств, лично выделил двести тысяч рублей из своих личных сбережений. Князь подчеркнул, что все его имущество по праву принадлежит России (Тютчева, 2000: 91).

Таким образом, обвинения Романовых со стороны интеллигенции в отсутствии патриотизма, основанные лишь на династических браках с немецкими принцессами, представляются безосновательными и опровергаются многочисленными свидетельствами современников.

В своих воспоминаниях, названных «Великий распад», известный журналист И. Кольшко проанализировал причины крушения Российской империи, рассматривая роль всех слоев общества, от царской семьи и высших чиновников до представителей интеллигенции, которые, сознательно или нет, способствовали этому процессу.

Жизнь самого Кольшко была полна событий: он работал под началом С. Витте, был близок к В. Плеве, сотрудничал с князем Мещерским, печатался у Суворина и Сытина, писал пьесы и даже участвовал в переговорах о сепаратном мире с Германией. Анализируя правление последних императоров, журналист пришел к выводу, что самодержавие утратило свою державность еще при Александре II из-за отсутствия идейной преемственности. Александр III, по мнению Кольшко, принял Россию как вотчину, которую нужно охранять (Кольшко, 2009: 32). Это суждение перекликается с мнением историка В. Ключевского, который считал, что Павел I, Александр I и Николай I «владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес», игнорируя нужды народа (Ключевский, 1993: 407). А. Тютчева также отмечала, что Николай I, несмотря на высокий престиж императорской власти, не смог ее удержать (Тютчева, 2000: 28).

Отсутствие у Николая II четкого понимания общественно-политической ситуации и подверженность чужому влиянию позволяли различным группировкам использовать его в своих интересах. Кольшко считал Николая II безвольным монархом, а проводимую политику – никчемной. Он констатировал, что с началом войны в тылу царя полная политическая неразбериха, усугубляемая отношением общественности и интеллигенции к власти, ругать которую стало «паспортом благонадежности перед публикой» (Кольшко, 2009: 328). Если на фронте еще умирали за царя, то в тылу ему копали яму.

В последние годы своего существования самодержавие в глазах интеллигенции окончательно дискредитировало себя, не имея с ее стороны никакой поддержки. Интеллигенция, будучи носителем передовых идей, видела в существующем порядке непреодолимое препятствие для развития страны и общества, что лишь усиливало ее отчуждение от власти и ее институтов.

5. Заключение

Верховная власть, сложившаяся в России в форме абсолютной монархии в руках самодержца, представляла собой мощную и опасную силу. Она повышала ответственность представителей династии за все, что происходило в стране до невероятно больших размеров. Отношение к самодержавной власти, олицетворением которой в России была династия Романовых, со стороны русской интеллигенции не было однозначным. Оно менялось в соответствии с изменением общественно-политической ситуации и колебалось от безусловной поддержки власти до формирования жесткой оппозиции.

В начале XIX в. интеллигенцией дворянского происхождения власть воспринималась в качестве неизменной категории, не подлежащей критике. Самодержавие рассматривалось в качестве гаранта процветания России. Убеждение в незыблемости монархии в целом, не означало, однако, отсутствия критического отношения к отдельным ее представителям. Популярность представителя династии, занимавшего трон определялась как его личностными качествами, так и характером его практической деятельности, его способностью сбалансировать и удовлетворить запросы и интересы различных социальных слоев. С ростом общественного сознания в среде российской интеллигенции возникают оппозиционные настроения, усиливавшиеся по мере отхода императора Александра I от обещанных им либеральных преобразований.

Попытка силового воздействия военной дворянской интеллигенции на власть закончилась в 1825 г. трагедией на Сенатской площади и формированием стойкой оппозиции со стороны интеллигенции к власти. Авторитарный характер правления Николая I только усилил противостояние и усугубил общественно-политическую ситуацию в стране. Попытки интеллигенции обратиться к власти путем личных обращений или посредством печатных органов успеха не имели, понимания со стороны власти они не нашли. Стремление достучаться до власти, привлекая к этому процессу народ в 1870-х гг. в рамках движения «хождения в народ» также не имело успеха. В связи с этим радикально настроенная разночинная интеллигенция пришла к убеждению в необходимости уничтожения самодержавия посредством террора.

Падению авторитета власти в глазах всего общества способствовало отсутствие идейного единства в проводимой властью политике. И если Александр II, позиция которого по отношению к начатым им реформам отличалась непоследовательностью и двойственностью, все-таки проводил их, то Александр III свернул практически все начатые отцом преобразования. Идея незыблемости самодержавной власти объединяла династию, несмотря на имеющиеся противоречия внутри нее. Единства же во взглядах на самодержавную власть в рядах самой интеллигенции не было. Это затрудняло для интеллигенции отстаивание своих интересов и прав, усугубляя общую ситуацию.

Идейный диапазон ее разногласий по этому вопросу был весьма широк. Он колебался от отрицания самодержавия как института власти до приятия монархии при условии смены правителя и ограничения его власти. К началу XX в. русская интеллигенция была едина во мнении, что власть надо менять. Немалую роль в этом сыграла личность последнего императора, слабость характера которого дискредитировала саму власть, приводя страну к анархии. Таким образом, история взаимоотношений самодержавной власти и русской интеллигенции представляет собой сложный, многогранный процесс, отмеченный как периодами сотрудничества и поддержки, так и глубокими конфликтами и противостояниями, которые в конечном итоге оказали существенное влияние на судьбу Российской империи.

Литература

- Барыкина, 2017** – Барыкина И.Е. Александр III. Назад в будущее. М., 2017. 111 с.
Басаргин, 1985 – Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985. 304 с.
Бенуа, 1993a – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. Кн. 1-3. М., 1993. 711 с.
Бенуа, 1993b – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. Кн. 4-5. М., 1993. 743 с.
Великий князь, 1991 – Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. 271 с.
Волконская, 1975 – Волконская М. Н. Записки княгини. Красноярск, 1975. 155 с.
Высоцкий, 1988 – Высоцкий С. А. Кони. М., 1988. 432 с.
Дивный свет, 2005 – Дивный свет. Дневниковые записи, переписка. Жизнеописание. Государыня императрица Александра Федоровна Романова. М., 2005. 650 с.
Закиров, 2013 – Закиров Р.С. Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 г. // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 3. С. 309-314.
Карабущенко, 2015 – Карабущенко П.Л. Имперские элиты России в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2015. № 87. Ч. 2. С. 16-19.
Ключевский, 1993 – Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты. Дневники. М., 1993. 415 с.
Кольшко, 2009 – Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб. 2009. 464 с.
Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
Короленко, 1985 – Короленко В.Г. История моего современника. Тт. 1-2. М., 1985. 704 с.
Пушкарев, 1991 – Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. 390 с.
Пушкин, 1950 – Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 2. М.-Л., 1950.
Сабурова, 2005 – Сабурова Т.А. Образ власти как фактор формирования стратегии поведения русской интеллигенции первой половины XIX века // *Известия УрГУ*. 2005. № 34. С. 98-107.
Савицкий, 2013 – Савицкий И.П. Самодержавие и русская интеллигенция // *Философские науки*. 2013. № 3. С. 67-75.
Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987. 575 с.
Токарева, 2016 – Токарева Е.А. Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и истории исследований // *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»*. 2016. №.1 (21). С. 36-43.
Тютчева, 2000 – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. 416 с.
Чагин, 1984 – Чагин Г.В. Тютчев в Москве. М., 1984. 175 с.
Шебзухова, 2018 – Шебзухова Т.А. Царская власть глазами российской интеллектуальной элиты начала XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2018. № 2 (55). С. 162-169.
Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. Zhulaeva A.S. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V., Malyutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.
Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

References

- Barykina, 2017** – Barykina, I.E. (2017). Aleksandr III. Nazad v budushchee [Alexander III. Back to the Future]. M. 111 p. [in Russian]

- Basargin, 1985** – *Basargin, N.V.* (1985). Zapiski [Notes]. Krasnoyarsk. 304 p. [in Russian]
- Benua, 1993a** – *Benua, A.N.* (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 1. Kn. 1-3 [My memories. In 5 books. Vol. 1. Books 1-3]. M. 711 p. [in Russian]
- Benua, 1993b** – *Benua, A.N.* (1993). Moi vospominaniya. V 5 kn. T. 2. Kn. 4-5 [My memories. In 5 books. Vol. 2. Books 4-5]. M. 743 p. [in Russian]
- Chagin, 1984** – *Chagin, G.V.* (1984). Tyutchev v Moskve [Tyutchev in Moscow]. M. 175 p. [in Russian]
- Divnyi svet, 2005** – *Divnyi svet.* Dnevnikovye zapisi, perepiska. Zhizneopisanie. Gosudarynya imperatritsa Aleksandra Fedorovna Romanova [Wonderful light. Diaries, correspondence. Biography. Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna Romanova]. M. 2005. 650 p. [in Russian]
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody.* 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut, G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody.* 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F. Zhulaeva, A.S.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody.* 16(2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2020** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malyutina, L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody.* 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhin et al., 2021** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody.* 16(3): 1299-1307.
- Karabushchenko, 2015** – *Karabushchenko, P.L.* (2015). Imperskie ehlyty Rossii v «Vospominaniyakh» grafa S.Yu. Vitte [The Imperial elites of Russia in the memoirs of Count S.Yu. Witte]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta.* 87. Part 2. Pp. 16-19. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1993** – *Klyuchevskii, V.O.* (1993). Aforizmy. Istoricheskie portrety. Dnevniki [Aphorisms. Historical portraits. Diaries]. M. 415 p. [in Russian]
- Kolyshko, 2009** – *Kolyshko, I.I.* (2009). Velikii raspad. Vospominaniya [The Great disintegration. Memories]. SPb. 464 p. [in Russian]
- Kornilov, 2004** – *Kornilov, A.A.* (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia of the XIX century]. M. 862 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985a** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika [The story of my contemporary]. Tt. 1-2. M. 704 p. [in Russian]
- Pushkarev, 1991** – *Pushkarev, S.G.* (1991). Obzor russkoi istorii [Review of Russian history]. M. 390 p. [in Russian]
- Pushkin, 1950** – *Pushkin, A.S.* (1950). Poln. sobr. soch. v 10 tt. T. 2 [Complete works in 10 volumes. Vol. 2]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- Saburova, 2005** – *Saburova, T.A.* (2005). Obraz vlasti kak faktor formirovaniya strategii povedeniya russkoi intelligentsii pervoi poloviny XIX veka [The image of power as a factor in the formation of the behavior strategy of the Russian intelligentsia in the first half of the 19th century]. *Izvestiya UrGU.* 34: 98-107. [in Russian]
- Savitskii, 2013** – *Savitskii, I.P.* (2013). Samoderzhavie i russkaya intelligentsiya [The autocracy and the Russian intelligentsia]. *Filosofskie nauki.* 3: 67-75. [in Russian]
- Shebzukhova, 2018** – *Shebzukhova, T.A.* (2018). Tsarskaya vlast' glazami rossiiskoi intellektual'noi ehlyty nachala XX v. [The Tsarist regime through the eyes of the Russian intellectual elite in the early 20th century]. *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura.* 2(55): 162-169. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987** – *Stepnyak-Kravchinskii, S.* (1987). Sochineniya. V 2 t. T. 1. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya [Essays. In 2 vols. Vol. 1. Russia under the rule of the tsars. Underground Russia]. M. 575 p. [in Russian]
- Tokareva, 2016** – *Tokareva, E.A.* (2016). Rossiiskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast': nekotorye voprosy teorii i istorii issledovaniy [Russian artistic intelligentsia and power: some issues of theory and research history]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki.* 1(21): 36-43. [in Russian]
- Tyutcheva, 2000** – *Tyutcheva, A.F.* (2000). Pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya. Dnevnik [At the court of two emperors. Memories. Diary]. M. 416 p. [in Russian]
- Velikii knyaz' Aleksandr Mikhailovich, 1991** – *Velikii knyaz' Aleksandr Mikhailovich* (1991). Kniga vospominanii [Grand Duke Alexander Mikhailovich. A Book of Memories]. M. 271 p. [in Russian]
- Volkonskaya, 1975** – *Volkonskaya, M.N.* (1975). Zapiski knyagini [Notes of the Princess]. Krasnoyarsk. 155 p. [in Russian]
- Vysotskii, 1988** – *Vysotskii, S.A.* (1988). Koni [Koni]. M. 432 p. [in Russian]
- Zakirov, 2013** – *Zakirov, R.S.* (2013). Obshchestvennoe mnenie ob ubiistve velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha v 1905 g. [Public opinion on the assassination of Grand Duke Sergei Alexandrovich in 1905]. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 3: 309-314. [in Russian]

Динамика восприятия династии Романовых русской интеллигенцией XIX – начала XX вв.

Александр Григорьевич Грязнухин ^{а, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^а,
Семен Валерьевич Кожевников ^а, Татьяна Валерьевна Счастливая ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ эволюции отношения русской интеллигенции XIX – начала XX столетий к верховной власти, персонифицированной династией Романовых. Выявлена корреляция между изменением общественно-политической конъюнктуры и трансформацией данного отношения, варьировавшегося от консенсуса и надежд на реформы до выраженного антагонизма и открытого противостояния. Отмечается, что рост самосознания интеллигенции и ее стремление к участию в государственных делах столкнулись с институциональными ограничениями абсолютной монархии. Это несоответствие стало причиной возникновения устойчивых оппозиционных тенденций, усугублявшихся отходом правящих монархов от ожидаемых либеральных преобразований и расхождением их личностных качеств с идеализированным образом правителя. Внутренняя разобщенность интеллигенции, проявлявшаяся в антагонизме между радикальными и либеральными фракциями, ослабляла ее консолидирующую силу. Особое внимание уделяется тому, как личные качества монархов, их способность или неспособность к диалогу и реформам, влияли на восприятие их власти интеллигенцией. Исследование базируется на компаративном анализе исторических источников, включая мемуары, дневники и записки современников, что обеспечивает реконструкцию объективной картины исследуемых аспектов общественно-политической жизни России указанного периода.

Ключевые слова: Россия, династия Романовых, интеллигенция, самодержавие, либерализм, консерватизм.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), semenk2011@yandex.ru (С.В. Кожевников), repetitor1972@gmail.com (Т.В. Счастливая)